

Глава 12. Разговор «курицы с уткой»

—

Байлянь и Цзян Цзычунь вместе отправились на встречу с Нин Муянем. До этого Байлянь уже видел Нин Муяня много раз, поэтому, идя к нему, он чувствовал лишь некоторую стесненность, но вовсе не неловкость. Напротив, Цзян Цзычунь, впервые видевший столь знатного господина, был крайне торжественен.

Отец и сын вместе вошли в дом и поклонились. Цзян Цзычунь поспешил преподнести привезенные дары. Байлянь знал, сколь богато поместье Нин, и понимал, что для них в порядке вещей презирать скромные подношения деревенских жителей, но всё же это было искреннее желание его отца. Он боялся, что чувства его отца будут растоптаны, однако вечно холодный Нин Муянь оказался весьма вежлив.

— Цинмо, прими лекарственные травы, принесенные лекарем Цзяном.

Увидев, что Нин Муянь велел своему личному слуге собственноручно принять подарок, Байлянь с облегчением выдохнул: этот человек оказался весьма тактичен.

После обмена несколькими вежливыми фразами Байляня отослали прочь, оставив Цзян Цзычуна и Нин Муяня для личного разговора.

Выйдя из комнаты, он хоть и беспокоился, но всё же не стал вести себя бестактно и подслушивать под дверью, а отправился вместе со слугой в передний зал пить чай.

Хотя Цзян Цзычунь и слышал раньше всякие слухи о Нин Муяне, он впервые видел его воочию. Этот человек был очень обходителен, и у Цзян Цзычуна сложилось о нем прекрасное впечатление, отчего на душе стало спокойнее.

— Лянь гер с малых лет рос со мной, простолюдином, в деревне. Нрав у него вольный, к тому же он грамоты не знает. Боюсь, что в будущем, работая в высоком доме за широкими стенами, он проявит неуклюжесть. Надеюсь, молодой господин Нин проявит к нему снисхождение.

— Ничего страшного. Он идет туда лишь как лекарь, а не как слуга, обязанный во всем прислуживать хозяевам.

— В таком случае я заранее благодарю молодого господина Нина за милость, — сказав это, Цзян Цзычунь собрался было опуститься на колени.

Хотя у Нин Муяня сейчас и не было официального чина, его отец и предки были чиновниками, а сам он только что сдал провинциальный экзамен, получив титул цзеюаня, — его ждало блестящее будущее, он был из тех, кто со временем станет министром, так что простому человеку отвесить ему поклон не было ошибкой. Однако разве мог Нин Муянь позволить Цзян Цзычуна совершить такой обряд?

Раньше тот был его тестем, а в будущем...

— Лекарь Цзян, не нужно этих церемоний, вы ведете себя слишком как чужой.

Нин Муянь подхватил его под руки. Цзян Цзычунь всё больше убеждался в скромности и воспитанности Нин Муяня. Он выпил чашку чая, и только тогда управляющий поместьем Хуан вывел его наружу.

Хуан Чжисин, увидев улыбающегося Цзян Цзычуня, сказал:

— Похоже, лекарь Цзян и наш молодой господин побеседовали весьма приятно.

— Молодой господин Нин обладает изысканными манерами, он близок к людям и добр. Работать под началом такого человека – истинное счастье.

Услышав это, Хуан Чжисин сухо кашлянул. Хоть он и не служил в самом поместье и не видел Нин Муяня постоянно, как домашние слуги, он иногда возвращался в дом, чтобы отчитаться о доходах поместья, и видел будущего главу семьи Нин много раз. Его супруга тоже служила в поместье и была довольно уважаемой экономкой, но она никогда не считала Нин Муяня «близким к людям и добрым».

Видя, что похвала Цзян Цзычуня исходит от чистого сердца и не похожа на лесть, он проникся к нему еще большим уважением. В будущем стоило поддерживать дружеские отношения; то, что старший молодой господин выделил их таким особым отношением, явно имело глубокий смысл.

— Да, наш молодой господин именно таков. В будущем маленький лекарь Цзян, служба подле молодого господина, непременно добьется больших успехов.

Беседуя, они вышли к переднему залу. Цзян Цзычунь не стал задерживаться и, забрав Байляня, отправился домой.

Нин Муянь пробыл в поместье уже несколько дней. Поскольку дела были улажены, он планировал завтра рано утром вернуться в город. Он велел Байлянью вернуться домой, собрать вещи и завтра отправиться в путь вместе с ними.

Кроме того, Цзян Цзычунь тоже должен был занять должность в поместье.

Хуан Чжисин проводил отца и сына до самого выхода из поместья и только потом вернулся к Нин Муяню с докладом.

— Хоть раньше поместье и не имело дел с лекарем Цзяном, я слышал от жителей деревни, что он милосерден, и семья их пользуется доброй славой. А вот семья Лю ведет себя заносчиво и обижает людей, они явно не из добропорядочных.

— Как молодой господин планирует поступить с семьей Лю?

Нин Муянь стоял у письменного стола и, склонив голову, писал иероглифы. Услышав вопрос, он холодно ответил:

— Лишить их половины имущества. Если же тот младший сын семьи Лю снова посмеет замышлять недоброе – избавься от них окончательно.

Хуан Чжисин почувствовал, как по спине пробежал холодок:

— Слушаюсь. А прикажете ли вернуть Лю Да в поместье на службу?

— Оставь его, пусть возвращается. — Вовсе не из доброты он прощал его, а потому что: — Держать его под присмотром в поместье лучше, чем позволять ему мутить воду в деревне.

— Слушаюсь.

Закончив, Нин Муянь поднял кисть и посмотрел на Хуан Чжисина. Сегодня он был в хорошем настроении:

— В этот раз ты справился достойно. Держи язык за зубами, трудись усердно, и в будущем, тебя ждет награда.

Договорив, он перевел взгляд на стоявшего рядом Цинмо. Слуга мгновенно понял его, взял со стола только что написанный иероглиф и поднес Хуан Чжисину.

Увидев на листе мощно начертанный иероглиф «Верность», Хуан Чжисин поспешно пал на колени, принял дар и трижды ударил лбом перед Нин Муянем:

— Благодарю молодого господина за дарованный каллиграфический свиток.

То, что каллиграфия Нин Муяня стоила больших денег – это одно, но вся семья Хуан служила в поместье Нин, и если господин выделил его своим вниманием, это приносило честь всей семье.

Понимая, за что он получил награду, он знал, как следует поступать впредь.

...

— В большом доме вода глубока, когда попадешь в поместье, во всем будь осторожен. Больше делай, меньше говори и ни с кем не враждуй.

Цзян Цзычунь помогал Байлянью собирать вещи, попутно давая наставления.

Байлянь усмехнулся:

— Отец, ты говоришь так, будто я во дворец отправляюсь.

— Для простых людей служба в великом поместье — всё равно что для благородных девиц и юношей попасть во дворец.

Байлянь повесил на плечи два небольших узла с вещами. На самом деле у него было не так много вещей, которые стоило брать с собой. Он помнил, что в прошлом, когда жил в поместье Нин, слугам разрешалось навещать родных. На деле это было чуть свободнее, чем участь наложника. Если чего-то будет не хватать, он всегда сможет вернуться и забрать.

К тому же его отец время от времени будет бывать в городе и сможет передать ему необходимое.

— Понял, папа. Я обязательно буду осторожен.

Цзян Цзычунь ворчал с самого утра, повторяя свои наставления по многу раз. Не то чтобы он намеренно хотел надоедать, просто ребенок, дожив до такого возраста, ни разу не покидал дома.

— Хорошо, что ты запомнил. Тогда скорее выходи, нельзя заставлять молодого господина Нина долго ждать.

— Угу.

Цзян Цзычунь хотел забрать у Байляня два узла, висевших у него на боках, но Байлянь сам вцепился в них:

— Я справлюсь, просто проводи меня за дверь.

Отец и сын заперли дверь на замок и поспешили к окраине деревни, чтобы присоединиться к свите Нин Муяня и отправиться в город.

По пути им встретился вышедший из дома Лю У. Этот верзила раньше хоть и был неразговорчив, но держался заносчиво. Сейчас же, завидев Байляня, он повел себя словно мышь перед кошкой: опустил голову, пряча взгляд. Где же былая заносчивость и уверенность?

Байлянь, видя его трусливый вид, не стал обращать на него внимания и поторопил отца, чтобы тот шел быстрее.

Когда они добрались до окраины деревни, кареты семьи Нин уже были на месте.

Цинмо доложил Нин Муяню, и тот спустился из кареты. Он увидел Байляня, который под тяжестью двух узлов, казавшихся шире его собственной талии, выглядел как тонкий росток сои. Слегка приподняв подбородок, господин подал знак, и Цинмо подошел, чтобы забрать узлы.

Цзян Цзычунь первым поклонился Нин Муяню. Глядя на Байляня, который казался совсем маленьким рядом со старшим молодым господином, его глаза слегка покраснели, но он всё же махнул рукой:

— Иди, иди скорее. Если выедете пораньше, в дороге еще не будет так жарко.

Байлянь кивнул и последовал за Нин Муянем в просторную карету. Когда колеса закрутились, он всё же не выдержал и высунул голову в окно:

— Папа, возвращайся домой, не провожай больше!

Цзян Цзычунь прошел за каретой несколько шагов и, услышав слова Байляня, остановился.

Жители деревни, вышедшие спозаранку в поле, издалека увидели, как Байлянь сел в роскошную карету. Они не знали, кто был в той карете, и не смели приближаться, а лишь дождались, когда караван скроется из виду, и только тогда подошли.

Изначально они хотели обсудить с Цзян Цзычуном извинения пятого сына семьи Лю, но теперь обнаружили куда более интересную новость.

— Лекарь Цзян, а куда это Лянь гер отправился?

Цзян Цзычунь сложил руки за спиной и сказал любопытным односельчанам:

— В город поехал, медицине обучаться.

Деревенские хотели еще расспросить, но он больше ничего не желал рассказывать.

Карета выехала с деревенской тропы на широкую официальную дорогу; тряска прекратилась, путь стал ровным.

Хотя карета больше не подпрыгивала, Байлянь, сидя внутри, поник плечами и опустил голову, выглядя совсем невеселым.

Он так глубоко погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как Нин Муянь, восседавший на

главном месте, несколько раз взглянул на него.

Нин Муянь время от времени косился на человека рядом с собой. Глядя на это бледное лицо, полное печали, он боялся, что тот вот-вот горько вздохнет.

— Твой отец не продавал тебя в поместье Нин в качестве раба. Если когда-нибудь захочешь вернуться – просто скажи мне заранее.

Услышав это позволение, Байлянь пришел в себя и ответил:

— Благодарю, господин.

На словах-то поблагодарил, но Нин Муянь видел, что на этом маленьком личике радости не прибавилось. Значит, слова не попали в самую суть.

Он помолчал немного, и в карете снова воцарилась тишина.

Нин Муянь слегка согнул свои длинные пальцы. Находясь наедине, он чувствовал, что должен сказать что-то еще. Нельзя вести себя перед ним слишком высокомерно, иначе Байлянь почувствует пропасть, как между господином и слугой, и не захочет быть к нему ближе.

Раньше в поместье всё казалось легким, но на самом деле он заранее всё просчитал. Теперь же, когда этот человек был прямо перед ним, он не знал, как себя вести.

— Где та нефритовая подвеска, что ты забрал в тот день?

Байлянь думал о безрадостных днях прошлого в поместье Нин и не мог взбодриться. Но потом он подумал: теперь его статус иной, и отношение должно быть другим. Всё равно этого не избежать, так что лучше подумать о чем-нибудь приятном.

И он подумал: когда они доберутся до поместья Нин, будет уже почти полдень – как раз время обеда. Интересно, что сегодня подадут на обед?

Он помнил, что еда в семье Нин была неплохой. Слуги, занимавшие приличные должности, выглядели упитанными и цветущими. На обед и ужин часто давали разные мясные блюда.

Теперь он лекарь, ответственный за здоровье Нин Муяня. Хоть он и слуга, но положение его почтеннее, чем у тех, кто стирает или готовит. Еда не должна быть плохой, он наверняка сможет поесть мяса.

Только вот неизвестно, будет ли сегодня основным блюдом «Свинина Дунпо» или рыбный суп «Сон-сао». По календарю сегодня не первое и не пятнадцатое число, и не праздник, так что вряд ли подадут такие роскошные блюда. Однако сейчас стоит жара, возможно, удастся застать сезонные закуски, например, рис в лотосовых листьях.

У каждого из главных хозяев поместья Нин был свой большой двор и отдельная кухня. Нин Муянь, будучи законным сыном семьи Нин, имел во всем самое лучшее, и повара у него были отменные.

В прошлом ему дважды доводилось пробовать ту еду; вкус был настолько чудесным, что даже став призраком, он помнил его. Просто в то время он был наложником, которого не ценили, и лишь пару раз ел вместе с Нин Муянем. Большую часть времени он питался тем, что готовили на общей кухне для всех.

Только он начал сглатывать слюнки от этих мыслей, как услышал неожиданный вопрос молодого господина. Он поднял глаза на Нин Муяня и подсознательно прижал к себе свой узел, подозрительно нахмурившись.

«Что это он? Неужто хочет забрать подарок обратно?» Он ведь теперь едет в поместье Нин личным лекарем, не стоит быть таким скупым.

И он ответил:

— Я оставил её дома.

Нин Муянь испытал легкое разочарование – тот даже не взял вещь с собой. Ну да ладно.

— Проголодался? Из поместья взяли немного бамбуковых пирожных.

Съесть хотелось, но не совсем.

Байлянь покачал головой:

— Пока не хочу.

В карете лучше есть поменьше, а то от тряски может стошнить. К тому же ему нужно оставить место в животе для обеда в поместье.

— Ты завтракал перед выездом?

— Угу.

Нин Муянь помедлил:

— Что ел?

— Постную лапшу.

— Вкусно?

— Вкусно.

— Ты сам готовил?

— Да.

Нин Муянь, не считая зазорным спрашивать о малом, поинтересовался:

— Как ты её готовил?

— Просто взял муку с рынка, смешал с водой, замесил...

На середине фразы Байлянь замолчал и безвольно поджал губы.

— Если у господина будет желание, когда приедем в поместье, я могу и вам приготовить миску на пробу.

Нин Муянь сначала воспринял лишь буквальный смысл слов: Байлянь хочет приготовить ему лапшу, и это было приятно. Но заметив в его голосе нетерпение, он слегка помрачнел.

Даже самый бесчувственный человек понял бы, что собеседник раздражен.

Проведя много лет в чиновничьих интригах, он умел разгадывать чужие сердца, но не мог понять, что творится в голове у маленького гера.

Эта ситуация внезапно напомнила ему о былых временах.

Тогда Байлянь не так давно вошел в поместье. Бабушка распорядилась, чтобы он прислуживал в кабинете. Байлянь не был похож на других служанок-любовниц, он не умел капризничать, кокетничать или строить глазки.

В то время Нин Муянь был занят подготовкой к экзаменам и часто сидел в кабинете по два часа кряду. Закончив дела и подняв голову, он обнаруживал, что Байлянь, подав чай, не ушел, а просто стоит столбом в кабинете, не двигаясь.

Нин Муянь жалел его, подзывал к себе и велел садиться рядом есть пирожные.

Держа свиток в руках, он смотрел, как человек за столом маленькими кусочками ест сладости, как разглаживаются его брови, и тоже хотел о чем-то с ним поговорить.

Если нужно было рассуждать о делах государственных – слова лились рекой. Но стоило заговорить с маленьким гермом о пустяках – и он не знал, с чего начать.

Из-за этого он часто пытался общаться «через силу», и подобные разговоры «курицы с уткой»* случались много раз.

[*Идиома «□□□□» (jī tóng yā jiǎng) буквально переводится как «курица разговаривает с уткой». Она означает ситуацию, когда люди совершенно не понимают друг друга, говорят на разных языках.]

Тогда он полагал, что они беседуют приятно и хорошо ладят, не зная, что тот маленький Байлянь просто не смел показывать свои чувства. А сейчас перед ним были его настоящие эмоции.

Подумав об этом, Нин Муянь кашлянул и, пересилив неловкость, произнес:

— Хорошо. Тогда на обед мы будем есть приготовленную тобой постную лапшу.

Байлянь вытаращил глаза:

— А?!

—

Примечание автора:

Байлянь: «Скупой мужчина! Мое хорошее вино и вкусная еда... всё напрасно!»

—